соответствующих сторон, Суд отметил: «... встает вопрос о том, нужно ли лишать человека возможности подать заявление в Комиссию только на том основании, то в силу секретности мер, против которых выдвигается возражение, он не может указать какую-либо конкретную из них, направленную специально против него... ».

Таким образом, Суд, толкуя понятие жертвы, указанное в тексте Конвенции, формулирует новые нормы права, давая определение данному понятию и ограничивая круг лиц, имеющих право подать жалобу на нарушение их прав.

В дополнение к понятию «потенциальной» жертвы Суд выделил также и понятие «косвенной» жертвы. Заявитель может быть признан косвенной жертвой в случае, если даже он не понес непосредственного личного ущерба, когда он является родственником или имеет тесные личные связи с лицом, являющимся непосредственной жертвой. При этом родственники должны иметь достаточный личный интерес, оправдывающий подачу жалобы в Суд, что было зафиксировано Судом в деле Кофлер.

Как представляется, позиция Суда заключается в том, чтобы максимально расширить круг лиц, которые имеют право подачи жалобы. Именно в этом и состоит гарантия защиты и осуществления прав человека.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. / Доступ из справочно-правовой системы Гарант.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 14). Принята в 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. № 2 от 08 января 2001 г. ст. 163.
4. Султанов А. Р. Очерк о применении норм Конституции Российской Федерации и исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 283-313.
5. Сухов Э.В. Проблема противоречий решений Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Социально – политические науки. 2011. N1. С. 66-69.
6. Тихоновский Д. С. Судебная практика в системе источников Европейского права: Дисс. ... д.ю.н. М., 2004.
7. Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Наука, 2001. 235 с. Большая Палата ЕСПЧ признала, что Россия не отвечает за конкурсных управляющих [Электронный ресурс] / <http://european-court.ru/oleg-anishchik/> / (дата обращения 15.08.2017).
8. Горбунова Н.Е. Европейский Союз как политическая интеграционная модель: теория и практика: автореф. дисс. ... к.полит.н. М. 2005. 23 с.

Уханов А.Д.

Правовая установка в контексте теории правовой ментальности

НИУ «Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

doi:10.18411/spc-20-11-2018-08

idsp: 000001:spc-20-11-2018-08

Теория правовой ментальности, формирующаяся в рамках отечественной теории права, предлагает комплексный взгляд на правовую действительность. Для того, чтобы описать связь между некоторыми явлениями, уложить наличные процессы в определённую логику, теория оперирует специфическим языком, вводя новы или придавая ранее известным понятиям и категориям необходимые смыслы. В ряду понятий, активно используемых теорией правовой ментальности, особо следует выделить понятие «правовая установка».

Как и иные понятия теории правовой ментальности понятие правовой установки несёт на себе довольно заметный семантический налёт психологической науки. Это так

же касается самого термина «ментальность», понятия «стиль правового мышления», «архетип» и др. Не смотря на то, что, действительно, определённый психологизм присутствует не только в слове, которым выражено данное понятие, но и в его внутренней сути, это не мешает операционализировать данное понятие иными науками, в том числе юриспруденцией (и более того вне теории правовой ментальности).

Так, в рамках юридической науки Е. А. Лукашевой было предложено следующее определение: «правовая установка личности - это ее готовность действовать согласно тому или иному нормативу, образцу поведения; поэтому именно в личностной правовой установке концентрируются все компоненты социально-психологической регуляции, в зависимости от качественной характеристики которых она может носить либо позитивный, либо негативный характер, проявляющийся соответственно в правомерном или противоправном поведении» [1]. Данное определение придаёт ценностно-нормативный окрас правовой установке и, более того, утверждает её статус в качестве выражения правовых ценностей, которые органически связаны со всей правовой культурой.

В.И. Каминская и А.Р. Ратинов предлагают связать правовые установки с результатом функционирования правосознания [2]. Другой исследователь Н. Л. Гранат, так же указывает на связь установок с ценностными структурами, и под правовой установкой или правовой ориентацией предлагает понимать интеллектуально-эмоционально-волевое образование, совокупность правовых установок индивида, непосредственно формирующих внутренний план, программу деятельности в юридически значимых ситуациях.

Несколько иное определение предлагает Т. В. Синюкова, отмечая, что правовая установка есть «готовность, предрасположенность субъекта к правомерному или противоправному поведению, складывающаяся под влиянием ряда социальных и психофизиологических факторов» [3].

Разделение на положительные и отрицательные установки имеет определённое эвристическое значение. Оно заключается, прежде всего, в приемлемом понимании поведения права и правооценивания, так как правовое (подпадающее под правовое регулирование) поведение может быть, как не только правомерным, но и противоправным, что, следовательно, предполагает как положительную оценку, так и негативную оценку, со стороны соответствующего субъекта на основании некоторых норм. Именно в этой квалификации явлений и состоит значение оценочной функции права, ценностно-нормативная окрашенность правовой реальности, и типическая реакция права на всевозможные модели поведения.

Итак, связь между правовыми установками и аксиологическим пространством права становится очевидно, однако тут появляется следующая проблема. Становится очевидной проблема поиска условий и предпосылок для формирования указанного ценностного пространства, необходимостью идентификации его ментальной природы, так как не вызывает сомнения, что формирование аксиологического пространства имеет место в локальном, определённом социуме, в ходе его культурно-цивилизационного становления, а это указывает на невозможность его протекания в изоляции от специфических особенностей национального юридического менталитета, ментальности отдельных социальных (профессиональных, этнических) групп, диаспор, населения провинций и столицы и др. Аксиологическое правовое пространство, таким образом, оказывается всегда ментально «нагруженным» и ментально зависимым.

Таким образом, правовые установки играют важную как в теории права менталитета, так и в самом правовом менталитете как познаваемом феномене. Правовые установки определяют совокупность ценностно-нормативных установок индивида, разделяющего некоторую правовую ментальность. Установки, в силу своего аксиологического характера, участвуют в маркировке социальной реальности как положительной или отрицательной, предполагают единство когнитивно-личностных и

ценностных мотивом правомерного или неправомерного поведения соответствующего субъекта.

Чтобы не замыкаться на психологическом характере установок в ходе их познания следует обращаться к иным элементам правовой ментальности, состоящей из политико-правовой парадигмы, стиля юридического мышления и типа предправового поведения. Подобный методологический ход по расстановке исследовательских акцентов, не только предполагает определённое теоретическое видение правовой ментальности со входящими в неё правовыми установками, но и позволяет выйти на осмысление их социокультурной природы. Поскольку, можно предположить, что в силу своей значимости правовые установки и, тем более, правовая ментальность, отражаются на различных уровнях культуры и правовой реальности.

работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 (a1)

1. Лукашева Е. Л. Социалистическое право и личность. М., 1987.
2. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974.
3. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997.